

Т.А. Богданович

**Биография Владимира
Галактионовича Короленко
(1853-1921)**

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т11

Т11 **Т.А. Богданович**
Биография Владимира Галактионовича Короленко(1853-1921): Выпуск 1 / Т.
А. Богданович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 154 с.

ISBN 978-5-519-72486-9

Биография Владимира Галактионовича Короленко(1853-1921)

ISBN 978-5-519-72486-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Раннее детство.—Школьные годы.

Семья и первые годы детства оказали большое влияние на весь склад души Владимира Галактионовича. Его отец—уездный судья г. Житомира—был человек не заурядный. Не получив никакого научного образования, он обладал большим природным умом и питал глубокое, хотя и наивное уважение к знанию, к науке, которое старался внушить своим детям. Но главное в нем было высокое представление о долге, полное подчинение ему всей жизни и совершенное отрицание компромиссов в делах, касающихся совести. В те времена, когда все в России держалось на произволе и взятке, он безбоязненно и неуклонно стоял за закон и справедливость. На этой почве у него происходили резкие столкновения с окружающими. Картины некоторых из таких столкновений ярко запечатлелись в памяти его сына и оставили неизгладимый след в его душе.

Однажды отцу Вл. Гал-ча пришлось разбирать в суде дело бедной вдовы, у которой ее богатый родственник-граф хотел оттягать большое наследство. И граф, и вдова по обычаю пытались заранее задобрить судью и у ребенка осталось в памяти, с каким рассерженным лицом выскочил однажды граф из кабинета отца. Ясно было, что он предложил взятку и был с позором изгнан. Бедная вдова не могла предложить ничего, но ее дело оказалось правое и было решено в ее пользу. Она, конечно, попыталась „отблагодарить“ судью, так как не сомневалась, что он окончил процесс так, а не иначе из сострадания к ней.

Первая попытка принести судье благодарность окончилась неудачно. Вдове, теперь уже богатой, пришлось удалиться из кабинета судьи с таким же стыдом, как и графу. Но признательная женачина не могла успокоиться на этом. Она видела большие недостатки в доме судьи и решила помочь семье. Она явилась в отсутствии отца и матери Вл. Гал-ча и завалила целую комнату разными свертками, а маленькой сестре его подарила великолепную куклу.

„Когда отец пришел из суда,—рассказывает Короленко в „Ист. моего современника“—в нашей квартире разразилась одна

из самых бурных вспышек, какие я только запомню. Он ругал вдову, швырял материи на пол, обвинял мать и успокоился лишь тогда, когда перед подъездом появилась тележка, на которую навалили все подарки и отослали обратно.

Но тут вышло неожиданное затруднение. Когда очередь дошла до куклы, то сестра решительно запротестовала, и протест ее принял такой драматический характер, что отец после нескольких попыток все таки уступил, хотя и с большим неудовольствием.

—Через вас я стал-таки взяточником,—сказал он сердито, уходя в свою комнату“ *).

Такая непосредственность и сила в отстаивании своей правды оказывали громадное влияние на впечатлительную душу ребенка. В своей семье ему не приходилось вести борьбу за справедливость, там как там она царила постоянно. Но окружающий мир давал для этого достаточно поводов. Времена это были глухие, крепостное право налагало печать на всю жизнь. Несмотря на благоприятные условия, в которых протекала семейная жизнь ребенка, ему еще в раннем детстве приходилось сталкиваться с проявлениями несправедливости и жестокости.

На том же дворе, где жила семья Короленки, ютился чуть не из милости в подвале обедневший пан Уляницкий. Несмотря на крайнюю бедность, он был все же „пан“ и, в качестве пана мог владеть крепостными. Крепостной у него был только один мальчуган Мамерик. Уляницкий жестоко истязал своего маленького раба, а братья Короленки изощрялись в разных издевательствах над „паном“, чтоб отомстить ему. Наконец, Мамерик бежал и Вл. Гал. с братом деятельно помогали ему и охраняли его убежище.

Не раз приходилось ему также на улице вступать в драки с мальчишками, травившими разных злополучных несчастливцев, типы которых он так ярко изобразил в рассказе „В дурном обществе“.

Это была внешняя сторона жизни. В ней преобладало влияние отца. Рядом с ней складывался и рос сложный внутренний мир, где больше сказывалось влияние матери. Мать Вл. Гал. была женщина тихая, кроткая и глубоко религиозная. Она происходила из польской семьи, и вышла замуж почти ребенком тринадцати лет. Благодаря этому у нее навсегда осталось некоторое чувство робости перед мужем, горячо ее любившем, но немного непонятном ей. В одном только она сохраняла полную самостоятельность,—она была ревностной католичкой и усердно исполняла требования своей религии, несмотря на то, что муж был православный и дети были крещены по православному обряду.

*) Ист. моего совр, стр. 14.

Из всех детей—их было пятеро, три брата и две сестры—наибольшей религиозностью отличался Вл. Гал. С ранних лет его волновали мысли о боге, о загробной жизни, о тайне рождения. Он искал ответа на мучившие его вопросы и, по большей части, не находил. На его живое воображение сильно действовали страшные рассказы старой няньки, без колебаний верившей в нечистую силу. Мир, за пределами их дома, казался ему населенным всякого рода враждебными человеку существами, а в ночные часы этот таинственный и страшный мир вторгался и в их владения и населял даже детскую фантастическими и страшными призраками.

Но влияние няньки сталкивалось с влиянием отца и матери, которые оба были религиозны без суеверия. Мать спокойно и уверенно называла „глупостями“ все нянькины рассказы. „Уверенность матери, что все это пустяки—пишет Вл. Гал.,—вносила успокоение. И когда я теперь вспоминаю мою молодую красавицу мать в этой полутемной кухне, освещенной чадным салым каганчиком, в атмосфере, насыщенной подавляющими душу страхами, то она рисуется мне каким то светлым ангелом, разгоняющим эти страхи уже одной своей улыбкой неверия и превосходства“ *).

От матери исходила чистая и светлая вера в доброго, всепрощающего бога.

Она часто брала мальчика с собой в костел, где им овладевало спокойное молитвенное настроение. Но собственно молиться по настоящему научил его отец, любивший высказывать свои мысли в виде кратких непререкаемых изречений.

„—Молитесь, дети, нужно так,—сказал он однажды,—чтобы обращаться прямо к богу... Как будто он перед вами. Как вы просите о чемнибудь у меня или у матери.

А еще через несколько времени прибавил:

— В Евангелии говорится: о чем ни попросите у отца небесного с верою, все дастся вам. И если скажете, чтобы гора сдвинулась с места—гора сдвинется...”

Эта уверенность в силе молитвы глубоко поразила мальчика. В глубине и искренности своей веры у него не было сомнений, а скоро представился и случай испытать силу молитвы. Во сне он часто видел, что летает и ощущение полета доставляло ему громадное наслаждение. Он задумал осуществить это и наяву и для этого испросить у бога крылья.

Вечером, не говоря никому ни слова, он вышел во двор и стал молиться, глядя вверх в звездное небо.

...Когда я... произнес „Отче наш“, то молитвенное настроение затопило душу приливом какого то особенного чувства: передо мною

*) Там же стр. 37.

как будто раскрылась трепетная жизнь этой огненной бесконечности и вся она с бездонной синевой и бесчисленными огнями с какой-то сознательной лаской смотрела с высоты на глупого мальчишку, стоявшего с поднятыми глазами в затененном углу двора и просившего себе крыльев... В живом выражении трепетно-мерцающего свода мне чудилось безмолвное обещание, ободрение, ласка..“ *)

Крылья не явились, и это причинило большую боль и нарушило спокойствие и непосредственность молитвы, но не подорвало веры в ее спасительную силу. Он почувствовал только необходимость более напряженно и страстно отдаваться молитве, чтобы она была услышана.

Впечатлениями первых детских лет навеяны три прекрасных рассказа В. Г. „Ночью“, „Парадокс“ и „В дурном обществе“. Первые два дают почувствовать, какую важную роль во внутренней жизни писателя с раннего детства имело разрешение основных в прозе жизни. В рассказе „Ночью“ несколькими чертами, удивительно ярко и ображающими своеобразный детский мир, описывается, как волнует детскую душу вопрос, откуда приходит в мир ребенок, неожиданно появляющийся в семье.

В рассказе „Парадокс“ ребенок впервые наталкивается на мысль о том, каким жестоким противоречием является в прекрасном мире, окружающем его, уродство и непоправимое несчастье.

Рассказ „В дурном обществе“ рисует другую сторону детской души—деятельную, протестующую и стойкую—обещающую в будущем бороться за правду.

Это именно две стороны одной и той же души, и обе они не бы и только созданием художника, они жили в самом авторе и искали проявления не в одном художественном творчестве, а и в жизни.

Жизнь очень рано стала предъявлять свои права. В шесть лет Вл. Гал. уже выглянул за пределы своего маленького ясного и светлого семейного мира. Его отдали сперва в начальный пансион Окрашевской, а потом очень скоро перевели в настоящий пансион Рыхлинского, где учились уже и взрослые мальчики.

Там мальчику пришлось уже самостоятельно устанавливать свои отношения к внешнему миру—к учителям, к товарищам, к установленным в школе обычаям. На его счастье пансион, куда его отдали, был по тому времени очень хороший. Нельзя сказать, чтобы в нем применялись какие-нибудь усовершенствованные приемы воспитания или преподавание было поставлено особенно высоко. Но там господствовал над всем дух товарищества не только в отношениях между учениками, но даже в отношениях

*) Там же стр. 43.

между учениками и преподавателями, по крайней мере большинством из них.

Во время учения в пансионе перед ребенком впервые встал и потребовал разрешения вопрос, который потом в дальнейшей жизни постоянно привлекал внимание писателя. Это вопрос национальный. Нельзя не отметить, что то решение, какое инстинктивно нащупал для себя ребенок, оказалось в основных чертах правильным и в годы зрелости.

В семье Вл. Гал. национальных столкновений не бывало никогда, хотя по составу своему она была смешанная. Отец—русский чиновник, украинец по происхождению, никогда не проявлял стремлений к насильственному обрусительству, но и не выставлял на показ своего украинства. Мать—полька и католичка, постепенно приспособилась к русской среде и отстаивала только свою религию. В первые годы детства Вл. Гал. в семье говорили по-польски, но в 1861 года отец с согласия матери решил ввести в обиход русский язык, и дети охотно подчинились этому.

Пансион Рыхлинского—был польский пансион, там разговорным языком был польский, учились в нем преимущественно поляки, но были и русские, даже великороссы. Никаких столкновений на национальной почве не происходило, а когда однажды кто-то из учеников поляков вздумал подсмеяться над обрядами православной церкви, Рыхлинский пристыдил и наказал вasmешинка.

Между тем подошло время польского восстания. Национальный вопрос сразу стал острым и болезненным и не мог не ворваться в школьный мир. Приходилось и детям волей—неволей разрешать его для себя. У Вл. Гал. был в пансионе товарищ поляк Кучальский. После неудачи восстания он стал стесняться прежнего товарища и утюжно отмалчивался на его вопросы. Наконец, один мальчик взялся расспросить его, в чем дело, и потом, придя к Вл. Гал.—чу, сказал ему:—Он говорит, что ты—москаль... Что ты во сне плакал о том, что поляки могли победить русских, и что ты... будто бы... теперь радуешься.

„Подозрение, будто я радуюсь тому, что теперь гибнут поляки, что Филикс Рыхлинский ранен, что Стасин сидит в тюрьме и пойдет в Сибирь,—меня глубоко оскорбило... Я ожесточился и чуть не заплакал.

—Я не радуюсь,—сказал я Стоцкому,—но.., когда так.. Ну, чтож, я—русский, а он пускай думает, что хочет.

Бессознательно он чувствовал, что отречься от своей национальности он не может, хотя насилия над поляками задевали его особенно больно, так как мать его была полька.

Вскоре после этого вопрос о его собственной национальности еще более осложнился. В пансион поступил новый учитель, носивший театрально украинский костюм. На первом же уроке он

переспросил всех учеников об их национальности. Когда очередь дошла до Короленко, мальчик уверенно ответил:

— Русский.

— Бреешь,—остановил его учитель, а после урока пояснил:

— Ты не москаль, а козацкий внук и правнук, вольного козацкого роду.

В первую минуту это открытие обрадовало мальчика. От него веяло чем то свободным и увлекательным. А кроме того оно давало надежду исправить отношения с Кочульским.

Но это надежда не оправдалась. Когда все тот же посредник сказал тому, что Короленко не москаль, а украинец, маленький поляк объявил, что тем хуже, так как „они закапывают наших живьем в землю“.

Вместе с тем и фигура нового учителя перестала привлекать мальчика. В нем было что то искусственное непростое, что отталкивало и раздражало его.

Оказывалось не так легко выбрать такую национальность, которая не возбуждала бы в других вражды и ненависти. Но эта кипевшая вокруг национальная ненависть не отравила и не заразила душу ребенка. Она зажгла в ней ненависть, но ненависть против этой самой национальной розни, не убив в то же время самого национального чувства.

Однажды, в разгар восстания он был с матерью в костеле во время польской манифестации. В тот момент, когда наполнявшая костел толпа пела хором национальный польский гимн, кто то крикнул: „Казаки!“ Это слово вызвало в разгоряченном воображении впечатлительного мальчика что то вроде галлюцинации или на яву.

„...Казаки! Они врываются в костел. У алтаря на возвышении стоит священник, у его ног женщины и среди них моя мать. Казаки выстраиваются в ряд и целются... Но в это время маленький мальчик вскакивает на ступеньки и, расстегивая на груди свой казакин, говорит громким голосом:

— Стреляйте в меня... Я—православный, но не хочу, чтобы оскорбили веру моей матери.

Казаки стреляют... Дым, огонь, грохот... Я падаю... Я убит, но как то счастливо, что потом все жмут мне руку, поляки и польки говорят:

„Это сын судьи, и его мать полька. Благородный молодой человек“.

— Этот мальчик прав...—говорят также и русские,—нельзя стрелять в костелах и оскорблять чужую веру“.*)

Этот сон на яву воплотил в себе тот вывод, какой созрел в душе мальчика—Он оставался русским, но русским чуждым национального ненавистничества.

* Там же, стр. 96.

В 1863-м году Вл. Гал-ча перевели из пансиона в гимназию. Тут уже нравы были иные, и мальчику сразу пришлось столкнуться с своего рода военным положением, при котором ученики и учителя представляли собой два враждующие лагеря.

Празда, это были уже шестидесятые годы. Николаевщина отошла в прошлое, но новые веяния еще слабо достигали далекого Житомира; в школе не была из'ята даже розга, хотя и применялась не столь щедрой рукой, как раньше.

На нежного впечатлительного мальчика это действовало болезненно. Первый раз, когда его брату еще в пансионе грозило телесное наказание, он страдал больше чем сам брат, и потом товарищи долго дразнили его, показывая, как секли его брата, и он всякий раз не мог удержаться от слез.

Самому ему, по счастью, не пришлось ни разу подвергнуться этому наказанию, но и самая угроза им действовала на него подавляюще.

В своих воспоминаниях он припоминает один случай, который, по его словам, оказал на него определяющее влияние. Однажды, за уроком он забыл, где он и увлекся мечтами о будущем. Он вообразил себя учителем, но учителем—другом, понимающим детей, которому они охотно открывают свою душу. Охваченный великодушными мечтами он не слышал, как учитель несколько раз вызывал его, и тот, раздраженный его невниманием, выгнал его из класса. Но и тут, стоя в коридоре у притолки, мальчик не мог выйти из под власти овладевшей им мечты и продолжал видеть свой прекрасный сон. Внезапно перед ним очутилась прямая затянута в мундир фигура директора, и резкий окрик вернул его к действительности:—„Выгнан из класса?... Выпорю мерзавца!“.

Угроза эта, брошенная именно в ту минуту, когда мальчика увлекали великодушные мечты, вызвала в его душе горячий протест против бездушного формализма и грубого насилия, и это чувство уже никогда не умирало в нем.

На ряду с этим надо отметить, что впервые пример именно такой формы протеста, какой более всего соответствовал внутреннему складу Владимира Галактионовича, ему пришлось видеть тоже со стороны директора гимназии. Это было позднее и уже в другой гимназии.

В Житомирской гимназии Влад. Гал. проучился недолго. В 1866 м году отца его перевели в Дубно, где перед тем был убит поляком судья—обрусигель, и начальство решило назначить на его место человека, пользующегося незапятнанной репутацией. В Дубно не было гимназии, так что семья еще некоторое время оставалась в Житомире. Потом, когда отца перевели на этом основании в Ровно, семья переехала к нему, и мальчиков отдали в Ровенскую гимназию.

В своих воспоминаниях Вл. Гал. чрезвычайно ярко изобразил фигуры ровенских учителей. Нельзя сказать, чтобы это были люди злые, ненавидящие учеников, но все это были чиновники, убившие душу формализмом и не имевшие никакого влияния на детей. Ученики и тут составляли сплоченное товарищество, основанное на том, чтобы всегда и во всем поддерживать своего и устранить какую-нибудь штуку учителю или кому-нибудь из гимназического начальства.

Директора в ровенской гимназии часто сменялись и были в общем так далеки от учеников, что казались им только главным воплощением враждебной им силы. Только раз в лице директора почувствовалось что-то другое, и этот случай произвел глубокое впечатление на Вл. Гал-ча.

Однажды в Ровно явился генерал-губернатор Безак, известный в свое время обруситель. Гимназисты с любопытством ждали появления грозного начальства, и в тот момент, когда он подъехал к дому исправника, кучка их стояла у крылечка на противоположной стороне улицы. Не успела коляска остановиться, как к общему изумлению генерал-губернатор выскочил на противоположную от дома сторону и быстрыми шагами направился к группе гимназистов. Один из них, маленький в орелклассник, забыв снять фуражку и теперь, ошеломленный видом быстро несущегося на них генерала, продолжал стоять в фуражке. Подскочив к мальчику, генерал схватил его за ухо и крикнул подбежавшим городовым:

— Арестовать!

Мальчика немедленно поволокли в полицию, а Безак направился к ожидавшим его у подъезда чиновникам.

Среди гимназистов этот случай возбудил страшное волнение. Посадить маленького мальчика в „холодную“ с ворами и пьяницами—это было нечто неслыханное. Вл. Гал. рассказывает, что, когда он услышал про это, он почувствовал, как в нем поднимается что-то темное, смутное, спутанное и грозное. Необходимо было ответить чем-то на такое грубое насилие, но чем?

Бог знает во что вылилось бы это непреодолимая потребность протеста, если бы в этот момент, на площади, кипевшей возбужденными мальчиками, не появился вдруг директор гимназии. „В эту минуту во всей его фигуре было что-то твердое и суровое—спокойное. Оно очевидно знало, что ему делать и шел среди смятенных кучек гимназистов, как большой корабль среди маленьких лодок.

Отвечая на поклонны, он говорил только:

— Расходитесь, дети, расходитесь.

И было в нем что-то, заставлявшее учеников чувствовать, что они действительно дети и полагаются на этого спокойного серьезного человека.

Так он вошел в дом, где остановился генерал-губернатор. Минуты через три он вышел оттуда в сопровождении помощника исправника, который почтительно забежал перед ним сбоку, держа в руке свою фуражку, и оба пошли к каталажке. Помощник исправника открыл дверь, и директор вошел к ученику“.

Оказалось, что когда директор появился в квартире исправника взбешенный, Безак сразу накинулся на него:

— Что тут у вас! Безпорядки! Непочтительность! Полячки не снимают перед начальством шапок!

— Ваше превосходительство,—сказал директор холодно и твердо,—в другое время я готов выслушать все, что вам угодно будет сказать. Теперь прежде всего я требую немедленно освобождения моего ученика, незаконно арестованного при полиции. О происшествии я уже послал тел-грамму моему начальству...

„Безак растерянно посмотрел на директора и... приказал отпустить арестованного“.

Это было яркое столкновение закона с произволом при чем и власть и сила были на стороне произвола и все-таки победа осталась на стороне закона.

Случай этот глубоко запал в душу Вл. Гал-ча. Впервые тут он увидел пример спокойного и мужественного отстаивания права, конечно, он еще не мог тогда оценить всего значения именно такой формы борьбы с произволом, которая стала характерной для него самого впоследствии, но впечатление осталось и оказало свое бессознательное влияние.

За исключением этого случая директор Долгополов не оказывал никакого влияния на учеников. Человек твердый и частный, он был в обычной жизни сух и прямолинеен и не вступал в непосредственное общение с мальчиками.

Но к этому времени новые веяния успели проникнуть в самые глухие уголки, и в старших классах появилось несколько учителей нового типа, открывших перед мальчиками новые горизонты.

Самой яркой фигурой из них был учитель словесности Авдиз. Зубрение скучных учебников и ответы по подсказкам превратились на его уроках в увлекательные беседы о русской литературе и чтение лучших русских авторов.

Скоро чуткий и талантливый учитель заметил вдумчивого, страстно увлекающегося литературой мальчика и между ними завязались более близкие отношения. Мальчик привлекала и очаровывала незаурядная личность молодого учителя, и в тоже время возбуждала в нем какую то затаенную грусть и боль. Не заметить нового учителя было трудно. Он резко выделялся на сером фоне обывательской жизни, выделялся не только значительным обаянием, блестящим остроумием, беспорной талантлив-

востью, и положительным нежеланием считаться с установившимися обычаями, с житейскими условностями.

Как большая часть незаурядных людей того времени, (собою обреченных жить в провинции, он сильно выпивал и не слишком скрывал эту слабость. Мальчик верным инстинктом почувствовал, что в этом талантливом блестящем человеке, есть какая-то червоточина—внутренняя слабость, благодаря которой все его незаурядные дарования не найдут себе выхода.

Он сохранил о нет благодарное воспоминание, так как от него он впервые научился по настоящему ценить и любить родную литературу, но на образование его характера Авдиев не оказал заметного влияния.

Правда, чтение с самых ранних лет захватывало мальчика, но серьезное знакомство с русской литературой относится именно к этому времени. Первый язык, которому научился Вл. Гал., был польский и читать он начал прежде всего по-польски. Первая книга, произведшая на него большое впечатление, была „Фомка из Сандомира“, описывавшая судьбу крестьянского мальчика, с большими способностями, получившего образование, благодаря счастливым обстоятельствам и вернувшегося в деревню, чтобы помогать своими знаниями крестьянам.

Дальше чтение его носило совершенно случайный характер. Когда он был в первых классах гимназии, случайно ему попал в руки роман Диккенса, который читал старший брат его. Диккенс сразу совершенно очаровал мальчика. С своей всегдашней способностью отдаваться целиком тому, что его в данное время увлекало, он читал его запоем в самых неудобных обстоятельствах. Брат не давал ему своих книг, но посылал менять их в библиотеку. И вот мальчик читал на улице, на ходу, не обращая внимания на окружающее. Раз, попав на особенно интересное место, он простоял несколько часов прислонившись к стене дома, не замечая, что прохожие с удивлением оглядываются на него, пока обеспокоенный его долгим отсутствием брат не разыскал его.

Можно себе представить, каким откровением явилось для него знакомство с Пушкиным, Тургеневым, Некрасовым, особенно под руководством такого талантливого и горячо любящего литературу человека, каким был Авдиев.

К концу гимназического курса семью Вл. Гал-ча постигло тяжелое горе. Отец его в последние годы стал заметно слабеть. Он мечтал только об одном—дотянуть до пенсии, чтобы не оставить семью в нищете. Благодаря своей исключительной честности, можно сказать героической в те времена, когда разного вида и типа взятки являлись прямо-таки необходимым дополнением к нищенским чиновничьим окладам, он еле-еле сводил концы с концами и не мог ничего отложить на черный день.